ESERCIZIO DI TRADUZIONE.

Analizzate le difficoltà traduttive e le rispettive soluzioni.

Guareschi	*Гуарески*
IO SONO COSI	Я ТАКОЙ
La mia vita cominciò il 1 maggio del 1908 e, tra bene e male, pare che continui ancora.	Жизнь моя началась 1 Мая 1908 года и худо-бедно продолжается.
Quando io nacqui, mia madre era già da nove anni maestra elementare e continuò a fare la maestra fino al 1949.	Когда я родился, моя мама уже девять лет, как учительствовала, и продолжала работать учительницей начальной школы до 1949 года.
Il parroco del paese dove essa risiedè fino al 1950 le regalò una sveglia a nome della popolazione e mia madre, dopo cinquant'anni di insegnamento in scuole prive di luce elettrica e di acqua potabile ma, in compenso, fornite abbondantemente di scarafaggi, mosche e zanzare, trascorse il suo tempo aspettando che lo Stato prendesse in considerazione la sua domanda per ottenere la pensione. E, mentre si divertiva ascoltando il ticchettio della sveglia regalatale dalla popolazione, arrivò la morte e la portò via.	Священник городишки, где она жила до 1950 года, вручил ей от имени местных жителей подарок — будильник, после того, как она проработала пятьдесят лет в школах, где не было электрического освещения и водопровода, зато изобиловали тараканы, мухи и комары, в ожидании, когда государство уважит её заявление о пенсии. Покуда она развлекалась, слушая тиканье подаренного населением будильника, за ней пришла смерть и унесла её.
Mio padre, invece, quando io nacqui, si occupava di macchine del genere delle trebbiatrici ai grammofoni e possedeva due buoni baffi che assomigliavano molto a quelli che io porto sotto il naso: continuò ad avere due ottimi baffi fino al 1950, ma da un pezzo non si occupava più di niente e trascorreva il suo tempo leggendo dei giornali. Leggeva anche quello che scrivo io, ma il mio modo di scrivere e di pensare non gli piaceva.	Что до моего отца, он, когда я родился, занимался всякого рода машинами, от молотилок до патефонов, и носил усы, похожие на мои. Эти шикарные усы он носил до 1950 года, но машинами больше не занимался, а проводил время за чтением газет. Он читал и мои писания тоже, но ни мой язык, ни мои идеи ему не нравились.
E in fondo aveva perfettamente ragione perché anche a me non piace proprio per niente quello che scrivo io.	В сущности он был прав; мне то, что я пишу, тоже совершенно не нравится.
Ai suoi tempi mio padre è stato un uomo molto brillante e già viaggiava in automobile quando in Italia intere popolazioni si spostavano da paese a paese per andare a vedere quell'accidente di macchina che cammina da sola.	В свое время отец был выдающейся личностью, ездил на автомобиле, когда в Италии народ толпами валил к соседям поглазеть на эту самодвижущуюся диковину.
Ho una motocicletta, una automobile utilitaria, una moglie e due figli, che mi sono assai utili in quanto io li uso come personaggi in molte delle storie da pubblicare su un ebdomadario che tiene in gran conto la mia collaborazione forse per il fatto che io ne sono il direttore.	У меня есть мотоцикл, малолитражка, жена и двое детей, которых я использую как персонажей своих историй, печатающихся в органе, весьма дорожащем моим сотрудничеством, возможно, потому, что я им руковожу.
E proprio su quell'ebdomadario che si chiama *Candido* io pubblicai set-	Именно на страницах этого органа, именуемого «Кандидо», я пуб-

timanalmente i racconti raccolti, in piccola parte, nel 1° volume di Don Camillo.

ликовал еженедельно рассказы, частично вошедшие в первый том «Дона Камилло».

I miei genitori avevano deciso che io diventassi ingegnere navale: così andò a finire che io studiai giurisprudenza diventando in breve assai noto nella città di Parma come ideatore di affissi pubblicitari e come caricaturista. Siccome a scuola mai nessuno mi aveva fatto studiare il disegno, era logico che il disegno esercitasse su di me un particolare fascino: così, dopo la caricatura e l'affisso pubblicitario, coltivai molto la xilografia e la scenografia.

Мои родители решили, что я буду инженером судостроителем, кончилось же тем, что я стал изучать юриспруденцию и прославился в городе Парма как автор рекламных объявлений и карикатурист. Поскольку в школе меня рисованию не обучали, то рисунок, естественно, меня привлекал больше всего; вслед за карикатурой и рекламой я много занимался ксилографией и театральными декорациями.

Nello stesso tempo mi davo da fare o come portinaio in uno zuccherificio, o come tenutario di un parco di custodia per biciclette: pure ignorando nel modo più assoluto la musica, impartii anche lezioni di mandolino ad alcuno ragazzi di campagna.

Одновременно я подрабатывал как вахтёр на сахарном заводе, как владелец велосипедной стоянки, и, не имея понятия о музыке, давал нескольким деревенским парням уроки игры на мандолине.

Diedi ottima prova come ufficiale di censimento. Fui per un anno istitutore in un collegio poi passai a correggere le bozze nel quotidiano locale. Per arrotondare il mio modesto stipendio, cominciai a scrivere delle novelle, indi mi occupai della cronaca cittadina e, siccome la domenica mi rimaneva completamente libera, presi la direzione di un settimanale del lunedì, e, per far più presto, lo scrivevo per tre quarti io.

Я был отличным работником штаба переписи населения, в течение года — воспитателем в школе-интернате, после чего поступил в местную газету корректором. Чтобы округлить скудную зарплату, начал писать рассказы, потом занялся городской хроникой и, так как воскресенье оставалось у меня свободным, взял на себя руководство выходящим по понедельникам еженедельником, который, для быстроты, на три четверти заполнял сам.

Un bel giorno presi il treno e andai a Milano, dove riuscii a intrufolarmi in un nuovissimo settimanale umoristico chiamato *Bertoldo*. Qui venni costretto a smettere di scrivere e mi fu permesso invece di disegnare: e io ne approfittai disegnando in bianco su carta nera: cose che creava nel giornale vaste zone depresse e, bisogna riconoscerlo, deprimenti.

В один прекрасный день я сел на поезд и поехал в Милан, где исхитрился поступить в редакцию нового юмористического журнала «Бертольдо». Писать мне там не дали, но позволили рисовать, чем я и воспользовался, — стал рисовать белым по чёрному, вследствие чего в журнале появились обширные и, надо признаться, удручающие черноты.

Io sono nato nella Bassa parmense, vicino al Po: e la gente che nasce in quei posti ha la testa dura come la ghisa: arrivai a diventare redattore capo del *Bertoldo*.

Я родился в долине реки По, близ Пармы, а тамошний люд твердолобый: я сумел пробиться в старшие редакторы «Бертольдо».

Per cause indipendenti dalla mia volontà, scoppiò la guerra e io, nel 1942, presi una grossa sbornia perché mio fratello era disperso in Russia e non mi riusciva a sapere niente di lui. Urlai molto quella notte, per le strade di Milano, e dissi cose che poi trovai tutte scritte su due fogli protocollo, la mattina

По независящим от меня причинам вспыхнула вторая мировая война, и я в 1942 году напился с горя, что не мог ничего узнать о своем брате, пропавшем без вести в России. В ту ночь, на миланской улице, я так разорался, что сказанное мною прочёл наутро на двух листах протокола отдела

seguente quando l'Ufficio Politico mi arrestò.

политической полиции, под арестом.

Un sacco di gente si occupò allora di me e riuscì a farmi rimettere in libertà. Però, allo scopo di togliermi dalla circolazione, mi fecero richiamare alle armi e il 9 settembre del 1943, scoppiato il pasticcio, venni fatto prigioniero dai Tedeschi ad Alessandria. Siccome non mi andava di disobbedire al mio Re, venni inviato in un Lager polacco. Poi passai per vari Lager tedeschi e ciò fino all'aprile del 1945. allora passai dall'amministrazione germanica a quella inglese e, dopo cinque mesi, venni rispedito in Italia.

За меня вступилась тогда куча народу, и меня выпустили. Чтобы я не мозолил глаза, меня забрили и 9 сентября 1943 года, когда началась неразбериха, немцы взяли меня в плен в Алессандрии. Поскольку я не хотел ослушаться своего короля, меня отправили в лагерь, в Польшу. До апреля 1945 года я побывал в нескольких немецких лагерях; из рук немцев перешёл в руки англичан и через пять месяцев был отправлен в Италию.

Fu il periodo della prigionia quello durante il quale svolsi la più intensa attività della mia vita: infatti dovevo innanzitutto fare in modo di rimaner vivo e ci riuscii quasi completamente essendomi fissa un preciso programma riassunto dal mio slogan: «Non muoio neanche se mi ammazzano».

Именно в лагерный период я развил самую бурную в своей жизни деятельность; прежде всего, надо было выжить, что мне удалось почти полностью, так как мой лозунг был: «Я не подохну даже если меня прикончат».

Non è facile rimanere vivi quando si è ridotti a un sacco d'ossa del peso complessivo di 46 chili e si è carichi di pidocchi, di cimici, di pulci, di fame e di malinconia.

Выжить, если ты превратился в мешок с костями весом в 46 кг, завшивел, искусан клопами, оголодал и затосковал, трудно.

Tornato in Italia trovai che molte cose erano cambiate. Specialmente gli italiani erano cambiati e io impiegai parecchio tempo per capire se fossero cambiati in meglio o in peggio. Alla fine scoprii che non erano cambiati per niente, e allora mi venne la malinconia e mi chiusi in casa e dove disegnai le illustrazioni per la mia *Favola di Natale* che avevo scritto nel 1944 per rallegrare con un po' di tristezza il Natale mio e dei miei compagni di Lager. Poi fondammo il settimanale *Candido* e mi trovai impegolato fino agli occhi dentro la politica pure essendo allora, come sono ora, completamente indipendente.

По возвращении в Италию я обнаружил, что многое переменилось. Особенно изменились итальянцы, причём я долго не мог понять, изменились ли они к лучшему или к худшему. В итоге я открыл, что они нисколько не изменились, и мне стало тоскливо, я заперся дома и занялся иллюстрациями к своей «Рождественской сказке», которую написал в 1944 году, чтобы этой жалостной историей развеять грусть, охватившую меня и моих лагерных товарищей в канун Рождества. Потом мы основали журнал «Кандидо», я влез по уши в политику, хотя был тогда, как и сейчас, беспартийным.

Nel 1950, il capo dei comunisti italiani, signor Palmiro Togliatti, in un pubblico discorso a La Spezia, perdette la calma e chiamò «tre volte idiota» quel giornalista milanese che ha inventato il personaggio dalle «tre narici». Quel tre volte idiota ero io e fu quello, per me, il più ambito riconoscimento della mia opera di giornalista politico.

В 1950 году начальник итальянских коммунистов господин Пальмиро Тольятти, выступая в городе Ла Специя, в сердцах назвал «трижды идиотом» миланского журналиста, который изобрёл персонаж с «тремя ноздрями». Этим трижды идиотом был я, что для меня было равносильно самому высокому признанию моих заслуг как политического журналиста.

Il «trinariciuto» o uomo dalle tre narici è ormai entrato nel parlare comune in Italia e l'ho appunto

Слово «трёхноздрёвый», оно в Италии прочно вошло в обиход, — было плодом охватившего меня

creato io in un felice momento di estro satirico e, dico la verità, ne sono orgoglioso, perché riuscire a caratterizzare il tipo comunista con un minuscolo tratto di penna di pochi millimetri (mettendogli cioè sotto il naso, invece delle solite due, tre narici), è una trovata non cattiva. E funzionò bene. E (perchè essere modesti?) funzionarono ottimamente anche le altre faccende che io scrissi o disegnai durante i giorni della preparazione elettorale: ma questa non c'entra: io ho in solaio un sacco pieno di ritagli di giornale che parlano male di me: chi ne vuoi sapere di più se li venga a leggere.

сатирического вдохновения и, признаться, я горжусь им, потому что изобразить определённый сорт коммуниста, всего лишь пририсовав ему к двум ноздрям третью,— настояшая находка, не злая, но эффективная. Очень удачная. И, — не будем скромничать, — хорошо работало и то, что я писал и рисовал во время предвыборной кампании, хотя у меня на чердаке лежит мешок, битком набитый газетными вырезками, где меня поносят; кто хочет удостовериться, может пойти, почитать.

I racconti di *Mondo Piccolo* hanno avuto un successo eccellente in Italia.

Сборник рассказов *Тесный мир* имел большой успех в Италии.

L'ambiente di queste storie è la mia terra: la Bassa parmense, la pianura emiliana in riva al Po. Qui la passione politica arriva spesso ad una intensità preoccupante: eppure questa gente è simpatica ed ospitale e generosa e ha uno spiccato senso dell'umorismo. Deve essere il sole, un sole maledetto che martella i cervelli durante tutta l'estate. Oppure la nebbia, una nebbia cupa che opprime i cervelli durante tutto 1'inverno.

Действие происходит в моих краях, в долине реки По, на Эмилийской равнине близь Пармы. Здесь политические страсти бушуют не на шутку, но сами люди симпатичные, гостеприимные и щедрые, с большим чувством юмора. Виновато, наверно, проклятое солнце: шпарит всё лето. Или туман, непроглядный туман, который давит на мозги всю зиму.

Traduzione dall'italiano di Julia Dobrovolskaja